

— Не сожалей о них, Сонечка,— вновь повторила Екатерина Михайловна, когда та догнала ее.— Они нас не жалели, когда грабили и сжигали наш дом. Это они виновны в смерти твоего отца, не жалей их. Однако что же нам дальше-то делать? Неужели до самого Ефремова пешком придется идти? — задалась вопросами Екатерина Михайловна.

Софья промолчала. Основная масса людей ушла по дороге уже далеко вперед. Екатерина Михайловна, Софья, доктор и еще небольшая группа из нескольких человек от них отстали. Вскоре и эта группа, обогнав Рязановых и доктора, ушла вперед, распрощавшись, ушел и доктор, Екатерина Михайловна и Софья на дороге остались одни. Шли медленно, то и дело останавливались и отдыхали, обоим очень хотелось пить, но колодца на пути не было. Наконец, Екатерина Михайловна не выдержала и, переведя дух, опустилась прямо на придорожную пожухлую траву.

— Все, Сонечка, я больше идти не могу,— вздохнула она.

Софья и сама уже с трудом переступала ногами, а увидев, как мать присела на траву, тоже с облегчением опустилась рядом с нею. Сидели долго, обоим начало казаться, что время для них остановилось, до того момента, пока на дороге со стороны станции Бабарыкино не показалась запряженная в телегу лошадь. Рязановы поднялись и с вожделением стали смотреть на повозку, надеясь доехать на ней хотя бы до ближайшей деревни. Возница — маленький и шупленький старичок — поравнявшись с ними, натянул поводья.

— Тпру-у-у! — прикрикнул он на лошадку и, улыбаясь, взглянул на Рязановых.— А что, барыни, видать затамились в пути-то? — спросил он звонким, похужим на детский, голосом.

— Затамились. Мил человек, довези нас до какой-нибудь деревни, сил больше нету идти, во рту пересохло, пить хочется, прошу тебя Христа ради, помоги,— обратилась к нему Екатерина Михайловна.

— А вы часом не с пассажирного поезда будете?

— С поезда.

— Стало быть, вы мне-то и нужны. А где же остальной люд? — спросил возница.

— Вперед ушли,— махнула рукой Екатерина Михайловна.

— А вы, стало быть, отстали?

— Отстали,— Екатерина Михайловна кивнула головой.

— Я-то вас не только до ближайшей деревни, но и до самого Ехремова смогу до-
везть, но не бесплатно, конечно,— старичок хитро улыбнулся.

— Сколько же возьмешь с нас?

— С каждой по одной зелененькой бумажке.

— По три рубля с каждой, что ли? А сколько же отсюда верст будет до Ефремова?

— Дык в аккурат околи двадцати пяти верст будет.

— Дороговато,— вздохнула Екатерина Михайловна.

— Ну, так и быть, с вас возьму по коричневенькой, но с каждой.

— По два рубля? Может, еще немножко уступишь, мил человек?

— Дык, куды же еще уступать-то? — изумился старичок.— А ента барышня кто
ж вам будет доводиться? — спросил он, указывая на Софью.

— Дочка моя.

— Дочка, стало быть? Ну, тогда, один рубль, но с каждой,— уступил старик.—
Залазьте на телегу.

Екатерина Михайловна и Софья влезли в телегу, и старик стеганул лошадь.
Вскоре догнали основную группу людей.

— Эге-е-гей! — прикрикнул старик, размахивая вожжами.

Шедшие люди расступились, сошли с дороги, пропуская гнавшую во весь опор
лошадь, но старик натянул вожжи.

— Тпру-у-у! А ну-кась, кому до Ехремова — милости просим,— крикнул он, и
измученные от пережитого люди, начали влезать в телегу.— Все, все, хватить, а то
лошади доже тяжело будет, хватить! — прокричал старик, увидев, как люди растал-
кивая друг друга, лезли в телегу.— Куды ты?! Куды ты лезешь-то?! Куды, я сказы-
ваю? — старик начал отталкивать влезавших в телегу людей.— Некуды, некуды бо-
ле! Но-о-о! Пошла, родехонька! — крикнул он и хлестанул лошадь.

Люди сходили с дороги, пропуская мимо себя несущуюся лошадь, кто-то махал
руками, прося остановиться и взять их с собой в дорогу, на что старик-возница, стоя
на телеге во весь рост и подстегивая лошадь, кричал: «Некуды, некуды боле!»

— А сколько возьмешь за дорогу, старик? — спросил один из мужчин, сидевших
в телеге.

— По зелененькой с каждого седока.

— Не многовато ли тебе будет?

— Нет. Я извозу обучен сызмальства, служил извозчиком в Ехремове и в ентом
деле кумекаю, что и к чему.

— А Николаевками возьмешь? — спросил кто-то.

— Эхх-хе-хе-х, Николаевками-то? — старик призадумался.— Ну, давай и Нико-
лаевками, можа, еще и вернется старая власть-то? Ежели Николаевками, то по две
копейки за версту,— сказал он.

В основном все ехали молча. От пережитого, усталости и жары разговаривать
никому не хотелось. Софья сидела сбоку телеги, свесив ноги и придерживая мать за
руку, чтобы та не свалилась. Среди седоков она увидела старика-доктора, тот сидел с
другого бока телеги и, как и в поезде, прижимал к груди свой саквояж.

— Вон он Ехремов,— возница указал кнутовищем в поле, где вдаль показались
городские постройки.— Я вас всех до станции довезу, а там ступайте, кому куда на-
доть,— улыбнулся он.

Вскоре въехали в город. Сойдя с повозки, Екатерина Михайловна с Софьей сразу
же хотели нанять извозчика до Птани, но извозчиков на привокзальной площади не
было, и они остановилась в нерешительности.

— Нет ни одного извозчика, как же мы будем добираться до Птани? Куда же нам
теперь? — начала спрашивать Софья.

— В церковь. Надо идти в церковь, судя по времени скоро должна начаться вечерняя служба, давай на нее сходим, а там будет видно, что нам делать и как поступить дальше, — вместо ответа, предложила Екатерина Михайловна Софье, и та согласилась. — Если, конечно, новая власть еще не запретила ходить людям в церковь, — добавила Екатерина Михайловна.

Еще подъезжая к Ефремову, заметила Екатерина Михайловна у реки большую каменную церковь и теперь решила идти именно туда. Нашли ее быстро и без труда, спустились по улице вниз и немного прошли вдоль реки. Церковь имела название «В честь Покрова Пресвятыя Богородицы». В церкви было тихо, сумрачно и прохладно, пахло свечным воском и лампадным маслом, прихожан еще не было. Напротив алтаря худощавая маленького роста и сутуловатая старушка протирала тряпкой подсвечник. На ее согбенной спине из-под синей кофты выпирали две острые лопатки.

— Скажите, будет ли нынче вечерняя? — спросила у нее Екатерина Михайловна.

Старушка отложила на подсвечник тряпицу и повернулась на голос Екатерины Михайловны. Взглянула на нее снизу вверх из-за своей сутулости, поправила на голове сползший на лоб светло-серый платок, завязала на нем потуже узлы и спрятала под платок седые пряди волос.

— А кто ее зная, будя она али не будя? — ответила старушка тихим старчески-скрипучим голосом. — Ныне, милая, все одним днем живем. Ден прошел, живы, и слава тебе, Господи! Вот вчерась служба была и утрешняя, и вечеришняя, а вот надьсь не было. Коли батюшка придет, то служба будя, а коли не придет, то и не будя.

— А можно нам здесь в церкви побыть? А то мы с дочерью с дороги очень устали.

— А почаму же нельзя-то? Она скамейка околи свечной лавки стоять, ступайте туда, сядьте, передохните малость, коли вам тяжко, — старушка указала рукой на стоящую у стены длинную скамейку.

Екатерина Михайловна, опираясь на руку Софьи, прошла к скамейке и, тяжело опустившись на нее, перевела дух.

— Присядь рядом, — предложила она дочери, но та продолжала стоять. — Что стоишь-то, присядь, отдохни, — вновь проговорила Екатерина Михайловна, предположив, что Софья ее не расслышала.

— Мама, мне надо ненадолго уйти.

— Как уйти? Куда? К кому тебе нужно уйти? — удивилась Екатерина Михайловна.

— Мне нужно найти одного человека.

— Какого человека? — Екатерина Михайловна непонимающе смотрела на дочь.

— Мне надо найти Скворцова Николая, брата Акимки, — отвела она взгляд в сторону.

— Зачем он тебе?

— Мне надо рассказать ему, как погиб его брат Аким.

— Нет! Нет! Я запрещаю тебе! Слышишь? Запрещаю! — приказным тоном проговорила Екатерина Михайловна.

— Ну, почему, мама?

— Ты никуда не пойдешь! — повторила Екатерина Михайловна вместо ответа. — Ты не ослушаешься меня, если ты мне дочь!

— Почему? Почему ты не разрешаешь мне? Ответь, почему?

— Я боюсь, что с тобой случится какая-нибудь беда.

— Почему, ну почему ты решила, что со мной должна случиться какая-то беда? Я что, маленький ребенок? Я — взрослый человек, — всплеснула руками Софья.

— В том-то и дело, Сонечка, что ты не маленький ребенок, а уже взрослая девушка, в том-то и дело. На улице беспокойно, идет война, ты сама видела, что про-

изошло на станции. А потом, Сонечка, пойми, тот человек, которого ты ищешь, он же — красноармеец!.. Он такой же, как и те, кто сжег наш дом и убил твоего отца! Они... они очень опасные люди! Нет, нет, я тебя никуда не пущу! Я прямо здесь в церкви лягу на твоём пути, а ты, если сможешь, то перешагни через мать!

— Мне кажется, не сказать человеку о смерти его близкого, скрыть от него — это не по-божески! Ты же сама меня воспитывала так, чтобы я всегда и во всем помогала людям, а теперь сама запрещаешь мне это делать,— проговорила Софья.

— Сейчас наступили другие времена, страшные времена — идет война, люди ожесточились друг на друга, и лишний раз ходить по улицам города стало просто опасно,— попыталась возразить дочери Екатерина Михайловна, но Софья стояла на своем.

— А ты учила меня, что людям нужно помогать всегда, невзирая ни на какие трудности, ни на какие обстоятельства и времена. Разве ты сейчас, находясь здесь в церкви, поступаешь по-божески? Поступаешь по-человечески? — спросила Софья. Она тоже разволновалась, ее лицо пылало жаром.

Екатерина Михайловна молчала. Она понимала, что дочь права, но она боялась отпустить ее от себя в такое беспокойное время, а потому не знала, как ей нужно поступить и что нужно ответить дочери в сложившейся ситуации. Она молчала и смотрела дочери в глаза. А Софья ждала от матери понимания и ответа, а потому тоже смотрела ей в глаза, смотрела и не отводила взгляда.

— Мне Скворцову нужно передать это,— наконец-то нарушила молчание Софья и достала из-под манжеты платья скомканное письмо, развернула его и показала матери.

— Что это? — спросила Екатерина Михайловна, искоса поглядывая на бумажный лист.

— Это письмо.

— Какое письмо? — не поняла Екатерина Михайловна.

— Которое нам в поезде читал Акимка, от его брата-красноармейца, и за которое его убили.

— Господи ты боже мой! Где ты взяла это письмо? — осипшим от волнения голосом спросила Екатерина Михайловна.

— В вагоне с пола подняла, когда его скомкал и бросил на пол военный,— Софья вновь отвела взгляд в сторону.— Отпусти меня, мама, прошу тебя. Я найду Скворцова, отдам ему это письмо и тотчас же вернусь обратно.

— Так ты что, еще там, в поезде, решила встретиться с братом Акима? Встретиться с незнакомым тебе человеком?

— Я решила встретиться с ним только для того, чтобы сообщить ему о смерти брата и вернуть написанное им письмо. Мне кажется, я поступаю правильно.

— Где же ты его найдешь этого... как его... брата...— от волнения Екатерина Михайловна забыла фамилию Акима.

— Скворцова Николая,— подсказала ей Софья.

— Вот именно, Скворцова. Где ты его будешь искать в чужом городе?

— Спрошу у красноармейцев. Он же — командир. Наверное, они должны знать его.

— Хорошо, иди. Только прошу тебя, будь осторожна. Я тебя очень прошу об этом. Если не найдешь этого Скворцова, отдай письмо первому встречному красноармейцу, пусть он передаст ему это письмо, а сама тут же возвращайся, долго нигде не задерживайся. И постарайся не опоздать к вечерней службе,— смирилась Екатерина Михайловна с решением дочери.— погоди, дай перекрещу тебя,— произнесла она, накладывая на Софью крестное знамение, прежде чем та вышла из церкви.

На улице Софья остановилась в нерешительности, совершенно не зная, куда ей нужно было идти, где искать этого Скворцова Николая. Вечерело, солнце сошло с зенита, и было уже не так жарко, как днем. Сразу от церкви вверх шла застроенная двухэтажными каменными домами купеческая улица. От крайних утопающих в зелени домов шел ароматный запах спелых яблок. Почувствовав его, Софья только сейчас поняла, что очень голодна, но это не останавливало ее. Постояв какое-то время и размышляя, куда ей нужно идти, в какую сторону, и не найдя для себя никакого правильного решения, она наугад двинулась вверх по улице. Было немногочисленно. По мостовой, сидя верхом на лошадях, мимо нее проскакали красноармейцы. Софья проводила их взглядом. «А может быть, среди них был Николай Скворцов? Нет, вряд ли. Так быстро люди не отыскиваются. Не было его там. Господи! Где же мне искать-то его? А может быть, мама права, что не отпускала меня? Может быть, пока не поздно, вернуться назад, в церковь? Отстоять службу, а потом делать так, как мама скажет, — стала рассуждать и задаваться вопросами Софья. — Нет, не надо сворачивать с полдороги и возвращаться. Надо сделать так, как я решила — найти Скворцова. Аким читал в письме, что он командир, а раз он командир, то его, наверное, должны знать и другие красноармейцы. Надо о Скворцове спросить у них», — решила она.

Первый красноармеец повстречался ей на пути, когда она прошла уже половину улицы. Он был пожилого возраста, с небритым лицом и красными воспаленными глазами. На его ремне болтался смятый в нескольких местах солдатский котелок, за спиной висела огромная, как показалось Софье, винтовка. Красноармеец, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, шел навстречу Софье.

— Простите, пожалуйста, не знаете ли вы командира красноармейцев по фамилии Скворцов? — спросила она у него.

— Нет, командира по фамилии Скворцов, я не знаю, — тяжело дыша, ответил тот, остановившись. И уже хотел было идти дальше, но, увидев, как Софья обиженно надула губки, улыбнулся и произнес: — А ты, дочка, в военный комиссариат сходи, там тебе точно подскажут, где найти твоего Скворцова.

— А где этот комиссариат? — спросила Софья.

— Он находится на Подьяческой улице. Ты знаешь, где Подьяческая улица?

— Нет, я не знаю города.

— В общем, дочка, ступай прямо по этой улице, дойдешь до второго перекрестка и повернешь направо, а там спросишь у кого-нибудь дом бывших купцов братьев Долговых, в нем и находится военный комиссариат.

Поблагодарив красноармейца, Софья пошла по указанному ей пути. Дом, в котором располагался военный комиссариат, нашла быстро. На крыше дома стоял пулемет, возле пулемета сидел и чадил сигаркой красноармеец. В дверях стоял часовой. Он разговаривал с сидевшим на крыше красноармейцем и не обратил на Софью особого внимания, лишь смерил ее взглядом. Софья вошла в здание и в нерешительности остановилась в длинном и полутемном коридоре. По обе его стороны были расположены комнатные двери, некоторые из них были растворены и из комнат то и дело выходили или входили люди, как в военной форме, так и в гражданской одежде, было шумно. Софья медленно пошла по коридору наугад, заглядывая во все комнаты с открытыми дверями. В одной из комнат военных было больше, чем в других комнатах, они стояли вокруг стола и разговаривали, на столе была разложена карта, в комнате было накурено. Софья вошла в эту комнату и остановилась, собираясь уточнить у находившихся там, знают ли они Скворцова Николая, но решила прежде дожидаться прекращения их разговоров, чтобы не обрывать на полуслове говорившего военного.

— Скажите, товарищ Лампадьевский, почему же вы так уверены, что белые наступать на Ефремов не будут? — спросил один из них, невысокого роста, в военной гимнастерке с перетянутыми крест-накрест ремнями и с кобурой на боку, на вид ему было не больше сорока лет.

Лампадьевский — высокого роста и стройного телосложения, на вид около тридцати лет, с аккуратными щегольскими усиками и с чистым выбритым лицом оправил гимнастерку и принял строевую стойку.

— Во-первых, товарищ военный комиссар, прежде чем напасть на город, должна быть проведена разведка, а по сведениям жителей близлежащих к городу деревень казачьи разъезды у их сел не появлялись. Во-вторых, город хорошо защищен, и белые наверняка осведомлены об этом. В-третьих, фронт находится за несколько сотен верст от нас, за Воронежем, и таким образом противник вторгся в наши глубокие тылы, не имея должной тыловой поддержки, завязывать бой с большим воинским гарнизоном, к тому же имеющим тыловое подкрепление и немалые человеческие ресурсы, — смерти подобно. Тем более, разоряя на своем пути села, громя железнодорожные станции и узлы, белые потеряли преимущество внезапного нападения. По всем законам военного искусства противник, оказавшись в таких условиях, должен уклоняться от боестолкновений. Я полагаю, что казаки повернут на Юг и будут пробиваться к себе на Дон.

— Фронт за несколько сотен верст... — пробубнил военный комиссар. Он прислушивался к мнению Лампадьевского как к специалисту в военном деле, бывшему офицеру, поручику царской армии, имевшему боевой опыт ведения войны на германском фронте, верил, что он всем сердцем, всем своим сознанием принял Советскую власть и служит ей верой и правдой. — Вот он — фронт, в нескольких верстах от нас. Ну, а ты, товарищ Громов, как думаешь? — взглянул комиссар на другого военного.

Громов, среднего роста, на вид около двадцати лет, с небольшой бородкой, в отличие от Лампадьевского не стал принимать строевую стойку, а наоборот, оперся руками о стол.

— Думаю, товарищ военный комиссар, что белые все-таки предпримут попытку захватить город. Тем более, как нам рассказал прибежавший со станции Бабарыкино кондуктор поездной бригады Федор Ложкин, один из казачьих офицеров обмолвился, что они возьмут Ефремов, а затем пойдут дальше на Тулу с целью захвата оружейного завода.

— Согласен с тобой, Алексей, — военный комиссар, не дав договорить Громову, перебил его на полуслове. — Захватив оружейный завод, они смогут обеспечить оружием и без того хорошо вооруженные подразделения наступающих на Москву деникинцев. В связи с чем всем ставлю задачу, — военный комиссар и все остальные военные вновь склонились над картой. — Десятому стрелковому полку и четвертому запасному батальону занять позиции вдоль Солдатской и Черкесской улиц, далее вдоль берега Красивой Мечи до Иноземского моста, соединяющем Ефремов с большим Елецким трактом. И затем от Елецкого шоссе по прибрежному косоугору до деревни Богово. Далее от деревни Богово до парка Каменевской дачи оборону занимает часть особого назначения, — военный комиссар на карте вывел жирную линию, над которой написал «ЧОН», а по краям линии цифры десять и четыре. Затем оторвал взгляд от карты, поднял голову и взглянул на военных. — Товарищи Кудрявцев и Сигунов, вам задача ясна? — спросил он.

— Так точно, товарищ Медведев, ясна, — почти в один голос ответили Кудрявцев и Сигунов.

Военный комиссар Медведев вновь склонился над картой.

— Далее, товарищи. На другом берегу реки, от бугра, что у Стрелецкого моста и до дома красильщика Синельникова, занять позиции латышской интернациональной роты под командованием товарища Шнора,— Медведев вновь поднял голову и взглянул на Шнора, высокого роста и широкоплечего с небольшой бородкой и усами латыша.— Август Михайлович, вам ясна поставленная задача? — спросил он.

— Так точно, тофарыштч фоенный комыссар,— по-военному, с заметным акцентом ответил Шнор.

— Август Михайлович, вы знаете, где находится дом красильщика Синельникова?

— Разберемся, Мыхаыл Фасыльефгыч.

Медведев покивал головой и вновь стал обводить присутствующих взглядом.

— Товарищ Голубев, где сейчас находится ваша железнодорожная рота? — оставил он взгляд на молодом двадцатипятилетнем парне.

— На железнодорожном вокзале, ждем дальнейших распоряжений,— ответил тот.

— Вам занять позиции с двух сторон железнодорожного моста по берегу реки, на самом мосту установить пулемет,— Медведев в очередной раз начертил линии на карте.

— Есть,— коротко ответил Голубев.

— Товарищи, по прибытии на указанные вам оборонительные позиции установить проволочные заграждения, вырыть окопы и оборудовать пулеметные гнезда. Это, товарищи, касается всех без исключения.— Медведев отложил карандаш, выпрямился, обвел присутствующих взглядом.— Таким образом, товарищи, мы оборонительным рубежом охватим все юго-восточное направление от Ефремова. Теперь что касается самого города. Где у нас командир караульного батальона?

— Я здесь, товарищ Медведев,— отозвался средних лет военный небольшого роста, но коренастого телосложения.

— Где вы расквартированы?

— На Дворянской улице, в подворье Знаменских.

— Давайте, товарищ Нечаев, вместе подумаем, где и как нам оборудовать оборонительные позиции так, чтобы в случае прорыва белых в город, мы смогли бы их остановить и нанести им максимальный урон,— проговорил Медведев и вновь склонился над картой.

— Предлагаю установить пулеметы на крышах городских строений, с которых хорошо просматриваются все дороги на юго-восточных подступах к городу. Также установить пулеметы на балконе второго этажа гостиницы Шульгина на Большой Мостовой улице. На площадях и улицах, ведущих от реки к центру города, вот здесь, здесь и здесь,— Нечаев стал показывать на карте, где именно необходимо установить пулеметные точки.— А также на колокольне церкви Покрова, она как раз находится в низменной части левого берега реки.

— Согласен с вами, товарищ Нечаев,— кивнул головой Медведев.— А вы, товарищ Марцевич, как руководитель военкомата, какие предпринимаете шаги по мобилизации населения?

— Шаги следующие, товарищ Медведев,— Марцевич выпрямил спину, поправил ремень, одернул гимнастерку.— С помощью ефремовской комсомольской ячейки мы подготовили списки жителей из числа мужского населения в возрасте от семнадцати лет и объявили мобилизацию. Очень много добровольцев, в основном из числа коммунистов и комсомольцев.

— Как проводится их обучение?

— Обучение проводится в Боговском лесу людьми, имеющими опыт ведения войны, как из числа красноармейцев, так же и из самих мобилизованных. В первую очередь обучаем ведению ближнего боя с примкнутым к винтовке штыком.

— Сколько, на ваш взгляд, потребуется времени для обучения новобранцев?

— Думаю, товарищ военный комиссар, дня через два их можно будет направлять в воинские подразделения.

— Хорошо. И последний пункт, товарищи, нашего совещания. Сегодня нами была выслана разведка к железнодорожному разъезду Лобаново, разведка вернулась, хотя сведений, представляющих военный интерес, не получено. Но это была разведка предварительная. Полагаю, что необходимо выслать разведку в елецком направлении более углубленную и мобильную. Предлагаю создать разведывательный конный отряд под командованием товарища Лампадьевского.

— Слушаюсь, товарищ военный комиссар,— Лампадьевский встал по стойке смирно.

— Возьмите с собой несколько чоновцев, человек пять-шесть не более, они ребята надежные — все коммунисты и комсомольцы, и сегодняшней ночью выдвигайтесь в сторону Бабарыкино. В бой не ввязываться, а только исключительно собирать сведения. Нам нужны сведения, и было бы неплохо, если вы смогли бы взять «языка».

— Слушаюсь,— вновь вытянулся в струнку Лампадьевский.

— У кого, товарищи, имеются дополнения, предложения или замечания? — спросил Медведев и оглядел стоявших перед ним командиров воинских частей, но все молчали.— Ну, раз ни у кого нет никаких возражений, будем считать, что план обороны города со всеми командирами воинских частей согласован и утвержден. На этом совещание Совета обороны города Ефремова закончено. Приказываю выдвинуться в места рассредоточения и приступить к обустройству оборонных позиций. Все свободны, товарищи,— закончил совещание военный комиссар Медведев.

В это время Софья, терпеливо ожидавшая, как она считала, окончания разговоров, и никем незамеченная, обращаясь сразу ко всем, громко спросила:

— Простите меня, пожалуйста, я ищу Скворцова Николая, он служит командиром, нет ли его среди вас?

На ее слова повернулись все без исключения, стоявшие вокруг стола военные.

— Вы, милая барышня, кто такая и как вообще сюда попали? — строго глядя на Софью, спросил Медведев.

— Я — Софья Рязанова, но только Скворцов меня не знает...— начала было объяснять Софья, но ее перебил Медведев.

— И вы, Софья Рязанова, хотите с ним познакомиться? — спросил он.

— Нет, то есть, да... в общем мне ему нужно кое-что отдать и рассказать,— под множеством мужских взглядов Софья растерялась и сбилась с мысли.— А вошла я сюда в дверь,— покраснев от смущения и часто моргая глазами, сказала она.

— Ну, а что же засмущались-то? — улыбнулся Медведев и вслед за ним все тоже заулыбались, заговорили друг с другом.— Ну что, товарищи, кто из вас знает командира Скворцова?

— Скворцов служит у меня в роте,— ответил Медведеву командир железнодорожной роты Голубев.— Командиром взвода,— добавил он.

— Ну, тогда объясни, Дмитрий, барышне, где ей найти твоего Скворцова?

— Ступайте на железнодорожную станцию, там он, этот ваш Скворцов.

Софья поблагодарила военных и вышла на улицу. Щеки ее и уши от волнения пылали огнем, но она волновалась не от того, что попала под перекрестные взгляды мужчин, а от того, что ей предстояло сообщить Скворцову Николаю страшное известие о гибели его брата.

* * *

На вокзале было многолюдно и шумно. Кто-то с кем-то ругался, что-то кому-то доказывала громкоголосая женщина, плакали дети. В углу с перекинутыми через плечо винтовками стояли красноармейцы. Софья подошла к ним.

— Простите меня, пожалуйста, не знаете ли вы Скворцова Николая? Я его ищу.

— Что, красавица, жениха потеряла? А может быть, я для тебя сгожусь вместо Скворцова? — спросил белобрысый красноармеец, на вид которому было не больше двадцати лет, и после его слов красноармейцы дружно засмеялись.

— Простите, — извинилась Софья и отошла от красноармейцев в сторону.

— Будет вам гоготать-то, жеребцы! — одернул их один из красноармейцев, явно выделяющийся от остальных по возрасту и до этого стоявший чуть в стороне от них. Те замолчали, стали переглядываться друг с другом, улыбаясь и изредка посматривая на Софью.

— А что, Михалыч, гляди какая барышня красивая, я бы на ней женился, — вновь заговорил все тот же белобрысый, и после его слов о женитьбе Софья почувствовала, как ее лицо и уши запылали еще сильнее.

— Ну, ну, балагур, ввел девку в краску. Вона, гляди, ажни вся покраснела, — сделал Михалыч замечание белобрысому красноармейцу. Затем повернулся к Софье. — Иди на улицу, там, на перроне он, твой Скворцов.

Поблагодарив пожилого красноармейца, Софья вышла на улицу. Перрон, как и вокзал, был заполнен людьми. Весть о том, что станция Бабарыкино захвачена белоказаками и что они движутся на Ефремов, быстро разнесли по подворьям, и вскоре она обросла различными, один страшнее другого, слухами. На всех городских улицах и площадях шли разговоры о том, что казаки не щадят ни женщин, ни детей, ни стариков, а рубят шашками всех напраполю. Поверив слухам, люди в панике стали бежать из города. Прошел слух и о том, что на станцию должны подать эшелон для эвакуации жителей, и большая часть населения города Ефремова, полагая, что от быстрых казачьих коней бегом не спасешься, хлынула на станцию в надежде занять место в этом эвакуационном эшелоне. Дежурный по станции Ефремов Анатолий Капитанов, в прошлом израненный в боях красный кавалерист, отбивался от наседавших на него, кричащих и хватающих его за одежду людей.

— Нету никакого поезда, нету и не будет! — пытался он перекричать орущую толпу. — Я не знаю, кто вам обещал этот поезд, я вам не обещал! Расходитесь, товарищи, расходитесь, не создавайте сутолоки, здесь и без вас хлопот хватает, — громко говорил дежурный, отбиваясь от хватающей его за одежду полной старухи.

— У меня племянник тута на станции железнодорожником служит, он давеча сказывал, что эшелон должен придти из Волова за людьми, — кричала старуха, привлекая к себе внимание толпы.

Дежурный выругался в полголоса, снял картуз и вытер ладонью пот со лба.

— Да, идет поезд из Волова, но поезд тот военный. Это идет дополнительная помощь для обороны города от прорвавшихся белых. И никого, кроме раненых красноармейцев, тот поезд отсюда вывозить не будет. Ясно вам? Успокойтесь и расходитесь по домам. Ничего не бойтесь, белые город не возьмут, он надежно укреплен, — начал было объяснять дежурный, но все его объяснения оказались тщетными. Как только люди услышали из его уст о вышедшем со станции Волово поезде, начали раздаваться выкрики: «Идет! Поезд идет!», «Нас обманывают. Разгоняют по домам для того, чтобы им самим места в поезде хватило!», «Мест в поезде мало, всем не хватит!», «Эшелон уже на подходе, готовьтесь занимать места. Мест всем не хватит!», «Казаки уже на подступах к городу, через час-другой будут здесь». Разношерстная толпа мужчин и женщин разных возрастов с мешками, лукошками, сумками и плачущими детьми, чуть не сбив с ног дежурного, с криками кинулась к краю платформы. Подождав, пока схлынет людской поток, Софья подошла к нему.

— Простите меня, пожалуйста, я ищу командира красноармейцев Скворцова Николая. Мне сказали, что он где-то здесь, на перроне, должен быть. Не видели ли вы его? — спросила она.

— Скворцова? — переспросил дежурный.— Нет, я не знаю такого. Тут в этой суматохе трудно кого-то найти, сами видите, что творится! — дежурный, от безнадёжности что-либо изменить, махнул рукой.— Сходите, барышня, вон к тем красноармейцам, что стоят у края платформы, может быть, там Скворцов.

Софья направилась к ним, и, подойдя, спросила:

— Простите, пожалуйста, мне нужен Скворцов Николай.

— Так вон он, Скворцов Николай,— указал один из красноармейцев рукой на стоявшего поодаль высокого красноармейца.

Софья подошла к нему. Перед ней стоял почти ее ровесник, года на два-три старше. Софья сразу обратила внимание, что Николай и погибший Аким внешне очень похожи друг с другом. У Николая были точно такие же, как и у Акима, пшеничного цвета волосы, голубые глаза, немного вздернутый нос, под носом небольшой пушок от зарождающихся усов.

— Простите, вы Николай Скворцов? — спросила Софья.

— Да, Николай Скворцов — это я.

— Мне нужен тот Николай Скворцов, который командир красноармейцев,— уточнила Софья.

— Я и есть — командир.

— А я думала, что командиры все старые, а такими молодыми командиры не бывают.

Услышав ее слова, Скворцов напустил на себя важный вид. Выпрямил спину, расправил плечи, заправил за ремень вздувшуюся пузырем гимнастерку и нахмурил брови.

— Вы, барышня, ежли по делу какому, то так и говорите, а просто так мне с вами разговоры вести некогда. У нас там белые фронт прорвали,— кивнул Николай головой в сторону станции Бабарькино.

— Я знаю... я там была... я видела... там...— начала говорить Софья, но замолчала. Она никак не могла начать разговор о смерти Акима, никак не могла сосредоточиться; все те слова, которые она хотела сказать Николаю, несколько раз мысленно повторяла, вылетели из ее головы.— Вот, возьмите, это вам,— наконец-то произнесла она и протянула Николаю написанное им Акимом, письмо.

— Что это? — спросил тот, забирая из рук Софьи бумажный листок.— Это... это же... письмо... мое письмо... откуда оно у вас?! — удивленно глядя на свое письмо, спросил Николай.

— Я ехала тем поездом, который на станции Бабарькино захватили военные,— начала рассказывать Софья, но мысли вновь стали путаться у нее в голове, она никак не могла сосредоточиться и правильно сформулировать свою речь.— Я ехала с мамой, и с нами вместе ехал ваш брат Аким...— Софья замолчала, вспомнив об убийстве Акима, к ее горлу подкатился ком, на глаза навернулись слезы.

— Где он? Он должен был приехать тем поездом... Что с ним?!.. И это письмо,— Николай еще раз взглянул на письмо.— Что случилось? Его что... больше нет?! — Николай разволновался, тяжело задышал.— Говорите же, не молчите! — почти закричал он.

— Его схватили военные, он начал от них убежать, и они... они выстрелили в него из ружья,— глубоко вздохнув, наконец-то выдавила из себя Софья.

— Его что... убили? — тихим и вмиг севшим голосом спросил Николай.

— Я не знаю... я видела издали... Аким упал, а к нему на лошади подскочил военный, посмотрел на него и... махнул рукой. Я не знаю, может, его только ранили, и он сейчас лежит в больнице? — Софья заплакала. Она словно вновь пережила те страшные минуты, когда увидела, как от выстрела Аким упал на землю.

— А письмо... почему оно у вас? — спросил Николай, с недоверием и подозрительностью глядя на Софью, его губы на побледневшем лице нервно подрагивали.

— Акима обыскали военные и нашли у него это письмо. Его схватили и посадили в поезд, а письмо это один из военных, наверное, их командир, прочитал, скомкал и бросил на пол, а я потом подняла и спрятала.

— Зачем же вы его подняли и спрятали? — тихо спросил Николай.

— Я не знаю, зачем я это сделала.

— Странно. А откуда же белые узнали про это письмо?

— Я тоже не знаю этого, но, мне кажется, им о письме рассказал толстый дядька. Он тоже ехал с нами в поезде и видел у Акима это письмо. Аким нам всем читал его вслух. А потом, в Бабарыкино, тот толстый дядька вышел из поезда и о чем-то говорил с военными, и те потом зашли в поезд и нашли у Акима письмо.

Николай потупил взгляд в землю, отвернулся от Софьи и пошел в сторону разросшейся акации. Сел на землю, снял с себя шапку-шлем с остроконечным верхом и пришитой над козырьком тряпчатой красной звездой, прикрыл ею лицо и заплакал. Плакал он молча по-мужски, лишь изредка вздрагивая плечами. Софья подошла к нему и остановилась за его спиной. «Акимушка... братишка мой дорогой... прости меня... это я во всем виноват... зачем же я писал это письмо... будь оно проклято... прости меня Акимушка», — всхлипывая по-детски тихим голосом, почти шепотом причитывал Николай, но Софья все же слышала произносимые им слова. Глядя на вздрагивающие плечи и голову Николая, ей вдруг стало очень жалко его. Жалко до такой степени, что к горлу вновь подкатился ком, сковал дыхание, на ее глаза навернулись слезы, и она тоже тихо заплакала. Сама не ожидая от себя, она протянула руку и, задержав ее на секунду-другую в воздухе, провела вдруг ладонью по волосам Николая. Тот вздрогнул, повернул голову и взглянул на Софью снизу вверх мучительным взглядом заплаканных глаз. Затем быстро вытер шлемом лицо, по-ребячьи всхлипнул, сглотнул слюну и вновь отвернулся от Софьи.

— Вы, барышня, еще здесь? Зачем вы так? Не надо... уходите, прошу вас, уходите, — тихим голосом попросил он. Затем, скорее почувствовав, чем увидев, что Софья продолжает стоять на месте, громко крикнул: — Уходите отсюда!

Софья, словно обожглась, резко отдернула руку. Какое-то время постояла в нерешительности и, развернувшись, пошла в сторону вокзала. На перроне по-прежнему была суматоха. Дежурный продолжал отбиваться от наседавших на него людей. Софью задевали плечами, толкали, но она не замечала этого. Перед тем как уйти с перрона, она оглянулась и посмотрела в ту сторону, где оставался Николай, но из-за снующей взад и вперед людской толпы уже его не увидела.

Всю обратную дорогу от вокзала до церкви Софья испытывала чувство обиды на Николая. Она не могла понять, за что он рассердился на нее и грубо изгнал от себя. «Я же поступила по-божески, по-человечески, сообщив ему о смерти его брата, а он...», — думала она и слезы обиды душили ее, комом сдавливали горло.

День уже клонился к закату, солнце, отражаясь красно-золотистыми бликами, уходило за горизонт. Так и не сумев подавить в себе боль обиды, Софья вошла в церковь. Вечерняя служба уже шла, но прихожан было мало. Екатерина Михайловна стояла у Христова распятия и молилась, едва заметно шевеля губами. В церкви было сумрачно, и в сумраке теплились зажженные лампадки, потрескивали свечи. Небольшого роста полноватый дьякон громким голосом читал молитвы. Вскоре замолчал и вошел в алтарь, где в это время старый и худощавый, с небольшой и редкой бородкой священник воскуривал в кадильнице ладан. Воскурив, вышел из алтаря через Царские врата и, произнося молитву, пошел по кругу, окуривая лики святых и лица прихожан благовонным дымом.

— Почему опоздала к вечерней? — тихо, почти шепотом, спросила у Софьи Екатерина Михайловна.

— Так получилось,— так же тихо, ответила ей Софья.

Церковная прохлада, приятное мерцание лампадных и свечных огней, потрескивание плавленого воска, ароматный запах ладана благоприятно подействовали на Софью, она начала успокаиваться. «В конце концов, почему Николай должен ко мне относиться с любезностью? Кто я ему? Никто. Чужой человек. Я просто поступила по-божески — сообщила ему о постигшем его горе, а как он отнесся ко мне, на то ему бог судья»,— решила Софья и попыталась забыть Николая, но это ей никак не удавалось. Николай то и дело всплывал в ее сознании в разных образах. То он — совсем мальчишка — напускал на себя строгость, то стоял в растерянности после получения страшного известия, а то был зол. Но больше всего Николай представлялся Софье сидящим на земле с поникшей головой и вздрагивающими от плача плечами. И этот образ Николая выдавливал из ее сознания образ того злого Николая, гнал его прочь, и ей, как и тогда на перроне, захотелось успокоить его, плачущего, пожалеть, обнять, прижать к себе и приласкать. За этими раздумьями и переживаниями Софья не заметила, как закончилась служба, но Екатерина Михайловна не спешила уходить из церкви, да и идти-то им было некуда. Она с трудом дошла до стоявшей у свечной лавки скамьи и тяжело опустилась на нее.

— Сонечка, пойдти, принеси мне, пожалуйста, воды,— тяжело дыша, попросила она.

Софья подошла к стоявшей здесь же в церкви металлической бочке с надписью «Святая вода», перекрестилась, зачерпнула небольшим ковшиком воду и принесла матери. Воду Екатерина Михайловна пила с трудом, маленькими глотками с остатковой и тяжелой одышкой.

— Мама, как ты себя чувствуешь? Мне кажется, тебе нехорошо,— с тревогой в голосе обратилась к Екатерине Михайловне Софья.

— Ничего, Сонечка, ничего доченька, все хорошо. Не переживай обо мне.

— Я же говорила тебе, что не нужно нам было никуда ехать. Давай возвратимся в Елец, кому мы здесь нужны? Никому. Нам с тобою даже переночевать негде,— предложила Софья.

— Нет, нет. Никуда мы возвращаться не будем. А по поводу ночевки, я сейчас с батюшкой поговорю, может быть, он нам что-то посоветует. Сейчас он из алтаря выйдет, и я с ним поговорю. Авось он придумает, где нас разместить.

Софья больше не стала настаивать на возвращении в Елец, хотя состояние матери тревожило ее. Вскоре из алтаря вышел священник, он был без священнического облачения.

— Сонечка, помоги мне подняться,— обратилась Екатерина Михайловна к Софье, протягивая ей руку. Та помогла матери встать со скамейки, а затем, придерживая под локоть, подвела к священнику.

— Батюшка, мы с дочерью,— Екатерина Михайловна кивком головы указала на Софью,— сюда приехали из Ельца. Завтра после утренней службы собираемся ехать дальше — на Птаны, но нам негде переночевать. Не смогли бы вы помочь нам в этом? За ночевку я заплачу, деньги у меня есть, немного правда, но есть.

Священник долго и внимательно глядел на Екатерину Михайловну и Софью уставшим и грустным взглядом.

— Я гляжу, вы не крестьянки? — неожиданно спросил он.

— Да, батюшка, вы правы. Мы — дворянки. У нас на Птани было имение, но в революцию его разграбили, а дом сожгли. Мы с дочерью уехали в Елец и живем в доме моего брата. На Птани, в Никольском, похоронен мой муж. Я сейчас очень больна, видимо, жить мне осталось недолго, хочу побывать на его могиле.

Священник молчал какое-то время, лишь кивая головой. Затем заговорил:

— Вы, барыня, простите меня великодушно, в доме своем не могу вас приютить — сын у меня, хоть из бывших офицеров, но теперь в Красной армии служит здесь, у нас в Ефремове. Сами понимаете, появление в нашем доме бывших дворянок может плохо отразиться на его нынешней службе, такие уж нынче времена настали,— вздохнул священник.— А вот в крестильной комнате могу вас оставить на ночь. Там есть длинные лавки, если не побрезгуете, можете на них переночевать.

— Спаси вас Бог, батюшка.

— Зовите меня отцом Александром. А как же вы будете добираться до Птани? Путь-то не близкий.

— Как Бог даст. Завтра все решится, утро вечера — мудренее,— вздохнула Екатерина Михайловна.

— Если не найдете извозчика, я вам выделю своего. Он отвезет вас на Птань,— после недолгого молчания произнес священник.

— Спаси вас Бог, отец Александр,— вновь повторила Екатерина Михайловна и склонилась перед священником голову.

— Агафья, подойди ко мне,— подозвал священник согбенную старушку.— Сегодня у нас в крестильной переночуют вот эти две барыни,— отец Александр указал на Екатерину Михайловну и Софью.— Там у нас лавки целы?

— Целые они, куды ж они денутся?

— Ты составь их вместе и застели чем-нибудь, чтобы на них лежать не жестко было, и кипяточку им принеси туда.

— Хорошо, отец Александр,— ответила старушка. Затем вновь снизу вверх из-за суетности взглянула на Екатерину Михайловну и Софью.— Пойдемте, я провожу вас до крестильной.

Несмотря на то, что Агафья застелила лавки старым лоскутным одеялом, спать на них все-таки было жестко и неудобно. Екатерина Михайловна долго ворочалась с боку на бок, кряхтела и охала, вставала и долго сидела, тяжело дыша от нехватки воздуха, затем вновь ложилась. И только под утро, когда за окном стала бледнеть ночная темнота, она впала в неглубокий и тревожный полусон. Софья же наоборот, поев круглой в мундирах картошки, которую им принесла Агафья, попив кипятку, уснула крепким сном. Утром ее разбудила Екатерина Михайловна.

— Сонечка, вставай, нам пора в церковь,— тормоша дочь за плечо, тихим голосом говорила она. Софья с трудом разлепила ресницы, взглянула на мать полусонным взглядом, покивала головой и вновь начала засыпать, но Екатерина Михайловна не дала ей этого сделать. Она еще раз более настойчиво начала трясти дочь за плечо,— вставай, вставай, некогда спать, пора на утреннюю службу собираться.

Потягиваясь спросонья и позевывая, Софья с трудом поднялась с лавки. Посидела какое-то время и, встав на ноги, направилась к висевшему у входа рукомойнику, умылась и вытерла лицо висевшим здесь же рушником. Екатерина Михайловна ждала Софью на улице.

— Сонечка, возьми меня, пожалуйста, под руку, а то у меня что-то кружится голова,— попросила она дочь, и та взяла мать под руку.

Несколько метров от крестильной до церкви Екатерина Михайловна шла с трудом. Часто останавливалась, глубоко и тяжело дышала. Так и вошла она в церковь, поддерживаемая Софьей, с трудом поднимаясь по небольшим каменным ступеням при входе. Во время утренней службы она исповедовалась и причастилась, а по окончании службы отец Александр, как и обещал, выделил Екатерине Михайловне и Софье для поездки на Птань свою пролетку. Возницей был служивший у священника много лет кучером местный житель, шестидесятилетний крестьянин Авдей.

— А-а-а-у-а-а,— произнес Авдей, когда Екатерина Михайловна спросила у него, как к нему обращаться.

— Нямой он, барыня, нямой... во,— Агафья высунув свой язык, несколько раз слегка прикусила его губами, а затем показала руками на свои уши,— и глухой он к тому же. Но вы не подумайте чего, куды вас надоть отвезть он знает,— при этих словах Агафья сунула в руку Софье небольшой узелок.— Это я вам нямножко поесть собрала в дорожку, тута картохи и хлеб.

— Спасибо большое,— принимая подарок, Софья склонила голову.

Подошел священник.

— Не переживайте, барыня, Авдей дорогу на Птань знает, не раз там бывал,— сказал он, обращаясь к Екатерине Михайловне. Затем взглянул на Авдея.— Как отвезешь барынь на Птань, сразу же возвращайся обратно. Понял меня, Авдей? — спросил у него отец Александр.

— А-а-а-у-а-а,— произнес тот, кивая головой.

— Вот видите? Он все понимает.

Екатерина Михайловна и Софья поблагодарили отца Александра и Агафью, удобно усаживаясь на мягкие сиденья двуколки.

— С Богом! — священник поднял вверх руку и едва заметным движением двумя перстами наложил крестное знамение на путников.— С Богом! — вновь повторил он.

Авдей подстегнул лошадь, и та резво взяла с места. Екатерина Михайловна и Софья оглянулись и помахали руками ставшим в одночасье близкими для них людьми — священнику отцу Александру и церковной послушнице Агафье. Поцокав копытами по булыжным городским улицам, лошадка вынесла седоков в загородные просторы и, поднимая пыль, пошла рысью по уходящей далеко за горизонт дороге. По обе стороны от нее раскинулись скошенные хлебные поля. Жатву завершили ко дню Успения Пресвятой Богородицы, но ометы соломы еще стояли. Полуденное белое солнце было в зените и беспощадно выжигало и без того уже пожухлые луговые травы, горячим маревом парила земля. Путники разомлели, ехали молча, и лишь Авдей изредка понукал лошадь своими нечленораздельными звуками, отгоняя ими от Екатерины Михайловны и Софьи то и дело наваливавшуюся на них дремоту. Изредка им на пути встречались повозки, и их хозяева по сложившейся с дореволюционной поры привычке, снимали с головы картузы и кланялись двум сидящим в дорогой пролетке барыням. Примерно часа через два пути выехали на дорогу, ведущую в Сергиевское, долго ехали берегом Птани, миновали несколько деревень, в том числе и Ордынку, и вскоре свернули на птанскую дорогу. Солнце уже начало остывать и медленно клониться к закату, когда путники въехали в сельцо. Проехав мимо нескольких подворий, остановились у дома своего бывшего управляющего именем Гордея Фролова. Увидев бывшую барыню и ее дочь, Гордей больше испугался, чем удивился.

— Барыня?! Неужто это вы?! — выйдя из дома, воскликнул он.

— Я, Гордей Никифорович, я,— тихим и измученным голосом ответила Екатерина Михайловна.

— Господи — Боже ты наш, вот не ожидал... вот не ожидал,— начал причитать Гордей, опасливо озираясь по сторонам.

— Примешь ли ты нас к себе на постой, Гордей Никифорович? — спросила Екатерина Михайловна.— Всего на одну ночь, завтра утром мы уедем,— пояснила она, заметив, что Гордей стоял в нерешительности и молчал.

— Ну, коли на одну ночь, то можно. Время-то нынче, сами знаете, не простое. Мне и так от новой власти досталось за то, что был управляющим в вашем имении, хорошо хоть комитет бедноты за меня вступился, а так...— Гордей махнул рукой.—

Вы, барыня Катерина Михална, уж не обессудьте меня,— Гордей начал торопливо открывать воротину,— заводите лошадку во двор,— распорядился он, продолжая озиаться по сторонам.

— Спаси тебя Христос, Гордей Никифорович,— поклонилась ему Екатерина Михайловна, входя во двор.

— Карета-то у вас какая красивая, прямо царская карета-то. Должно быть, больших денег стоит,— Гордей начал внимательно рассматривать пролетку.— И седелка мягкая. Должно быть, дорогая карета-то, а? Чего молчишь-то? — обратился Гордей к Авдею, видя, что тот продолжает молчать.

— Немой он,— сказала Екатерина Михайловна, взглянув на Гордея.

— Немой? Вот те раз! — удивился тот.

— А-а-а-ы-у-у-у,— в подтверждение слов Екатерины Михайловны нечленораздельно произнес Авдей.

— Вот те раз, надо же,— немой! — вновь удивился Гордей.— Ну, проходите в дом, а я лошадку в хлев заведу, да карету вашу спрячу от любопытных глаз,— проговорил он и вновь начал озиаться по сторонам.

Дом Фроловых был хотя и небольшой, но прочный, построенный из белого камня, с деревянными полами, сенцами и хлевом для скотины. В доме было две комнаты, одна большая — горница, а другая поменьше. В маленькой комнате с одним окном стояла железная с пружинами и коваными резными спинками кровать, подле кровати стул и небольшая деревянная тумба, на которой возле подсвечника со свечой лежали книги духовного содержания, поверх них — Евангелие. В центре большой с двумя окнами комнаты стоял покрытый светлой скатертью круглый стол со стульями, у стены — комод и закрытый на всякий замок добротный, с полукруглой крышкой и окованный по периметру металлическими полосками, сундук. В сундуке Фроловы хранили постельное белье, праздничные — на показ — наряды, кокошники, даже сохранившиеся свадебные одежды, в которых они венчались в церкви. В горнице высилась печь-лежанка, у печи длинная скамья. С другой стороны печи располагалась кухня. На кухне у окна был стол с тремя табуретами, небольшая скамейка, на столе прикрытая рушником горкой стояла деревянная посуда.

Марфа Антоновна хлопотала у печи, когда в дом вошли гости. Увидев Екатерину Михайловну и Софью, она оторопела.

— Батюшки мои родные, пресвятые отцы небесные... барыня, нужлишь, енто вы? Откель же вас к нам господь послал?

— Здравствуй, Марфа,— вместо ответа поздоровалась с ней Екатерина Михайловна. Софья тоже поздоровалась с Марфой Антоновной, при этом немного склонив голову.— Вы, наверно, уже позабыли нас? — спросила Екатерина Михайловна, внимательно глядя Марфе в глаза и пытаясь угадать, желанен ли для нее их приезд или обременителен.

— Господи, а я-то думала, что уже не увижу вас боле,— Марфа всплеснула руками, затем замешкалась, взялась за концы платка, поднесла их к лицу и зажала губами, на глаза навернулись слезы.— Барыня... Катерина Михайловна... матушка вы наша... да коли можно забыть-то вас? Коли можно забыть все доброе, что вы с барином нашим, Серафимом Аркадичем, для нас сделали? — запричитала Марфа и, забыв, что перед нею ее бывшая барыня, кинулась к ней, обняла и начала целовать в исхудавшие морщинистые щеки. Екатерина Михайловна ответно прижала к себе Марфу, начала целовать ее как родную, и тоже дала волю чувствам. Стоявшие в дверях Гордей Никифорович, Софья и вошедший следом за ними Авдей молчали и терпеливо ждали, когда две почти одинаковые по возрасту женщины — одна бывшая барыня, а другая ее прислужница — вместе со слезами выплеснут из себя нахлынув-

шие на них чувства и эмоции. Наплакавшись, словно обессиленные, обе уселись у печи на скамейку. Гордей прошел мимо них к окну и внимательно посмотрел на улицу, чтобы убедиться: видел ли кто приезд к нему барыни или не видел? И, убедившись, что все в порядке, задернул штору.

— Люди разговоры ведут, что вы за границу уехали, в Хранцию,— Гордей взглянул на Екатерину Михайловну.

— Нет, Гордей Никифорович, мы в Ельце живем, в доме моего брата. Я больна, и мне уже немного осталось жить на этом свете...— Екатерина Михайловна оборвала себя на полуслове и замолчала.

Гордей Никифорович уже и сам увидел, как постарела за эти годы когда-то красивая, всегда жизнерадостная и добрая к простым людям барыня.

— А дочка-то ваша, Сонечка, как выросла, совсем уже невеста,— вступила в разговор Марфа Антоновна.

— Да, чужие дети растут быстро,— согласилась Екатерина Михайловна.

— Замужем, ай нет? — Марфа Антоновна переводила взгляд с Екатерины Михайловны на Софью и обратно.

— Пока еще нет,— ответила Екатерина Михайловна.

— Ну, ничего, ничего. Она у вас — красавица, на отца похожа. Глаза-то у нее, как и у барина нашего были — черные. Вы-то с Володей голубоглазые, а Серафим Аркадич и Сонечка — черноглазые. Помню, как барин сказывал, что дочери должны быть похожи на отцов, а сыновья на матерей, тогда они счастливыми будут. Так-то он сказывал.

— Да, он так говорил,— кивнув головой, согласилась Екатерина Михайловна.— Только где оно, счастье-то это? За какими лесами и за какими долами схоронено? Кто бы показал. Было когда-то счастье, да растеклось все, растворилось, словно утренний туман,— вздохнула она и потупила взгляд в пол.

— Марфа, будя тебе пустые разговоры заводит. Люди с дороги усталые и голодные, давай лучше повечеряем,— проговорил Гордей Никифорович, обращаясь к жене.

— Ой, и правда, чтой-то енто я,— встрепенулась Марфа. Быстро поднялась со скамейки, пошмыгала носом, завязала потуже платок и направилась к печи.— Щас я соберу повечерить.

Перед едой все вместе помолились и приступили к трапезе.

— И что же вас, барыня, привело сюда? — прожевывая картофелину, спросил Гордей.

— Захотелось родные места навестить, на могилке Серафима Аркадьевича побывать, а то когда еще удастся... и годы не те, и здоровье не то.

— А это, стало быть, кучер ваш? — Гордей кивком головы указал на Авдея.

— Да, он кучер.

— Стало быть, так и продолжаете барствовать? И при новой власти, стало быть, тоже барствуете?

— Нет, Гордей Никифорович, мы при новой власти не барствуем. Кучера и лошадь нам в дорогу дал ефремовский священник. Мы в церкви были на службе, там и переночевали нынешней ночью. Отец Александр смилостивился над нами. Ты, Гордей Никифорович, не переживай, мы завтра рано поутру уедем от тебя, нам только заночевать. Завтра посетим то место, где было наше имение, в Никольское съездим на могилку Серафима Аркадьевича, да и назад поедем, в Ефремов, а оттуда уже в Елец,— ответила Екатерина Михайловна.

Гордей взглянул на Авдея. Тот под его взглядом отложил в сторону кусок хлеба, посидел немного и вдруг выставил в сторону висевших икон указательный палец.

— А-а-а-у-у-а-а, — произнес он и начал накладывать на себя крестное знамение, таким образом, подтверждая сказанное Екатериной Михайловной.

Гордей насупился, потупил взгляд в пол, замолчал, заиграл на скульях желваками и задумался. Наступила неловкая тишина.

— Я так скажу, — наконец-то после довольно долгого молчания нарушил он тишину. — Пусть Авдей рано утром уезжает, а вас с Соней я повезу.

— Нет, нет, не надо, мы не хотим вас обременять. Тем более, нам нужно будет ехать в Ефремов, а это далеко, — запротестовала Екатерина Михайловна, но Гордей Никифорович настоял на своем решении.

— Все, уважаемая барыня Катерина Михална, как я решил, так и будет. Я тут хозяин, а значит, как быть, решаю тоже я.

— Гордей, а как же... нежели суседи-то увидят тебя, что ты вместе с барынями... — несмело и с испугом в голосе заговорила Марфа, но оборвала себя на полуслове и виновато взглянула на Екатерину Михайловну, та молчала.

— Плевать мне на них. И ты тоже поедешь вместе с нами. Мы же с тобой давно собирались съездить в Никольское на могилу сына, вот и съездим, заодно и на могилу барина нашего сходим. А теперча давайте помолимся и пора ложиться спать, время позднее, вон на улице уже темнеет. Завтра рано вставать, — сказал Гордей.

Екатерине Михайловне хозяева уступили свою постель, Марфа Антоновна постелила себе на сундуке, а Софье на печи. Гордей и Авдей ушли спать на сеновал.

— Погоди, Марфа Антоновна, не ложись, давай с тобою вечерние молитвы прочитаем, — попросила Екатерина Михайловна.

— Давайте, барыня.

Софья тоже молилась вместе с ними, но слова молитвы постоянно сбивались и путались у нее в голове приходившими воспоминаниями о Николае. Он вновь представлялся перед ее мысленным взором важным и напыщенным, со сведенными для солидности к переносице бровями. Именно таким, каким она его увидела при их первой встрече. Еще представлялся сидящим на земле, беспомощным и плачущим, с согнувшейся спиной и вздрагивающими плечами. И именно такого — беспомощного и плачущего, Софье было очень жалко, так жалко, что она вновь, как и в прошлый раз, почувствовала желание обнять его и прижать к себе. Прижать, чтобы успокоить и утешить его, своею любовью облегчить его душевные страдания. Любовью?! Услышав в себе это слово — любовь, Софья испугалась. «Нет, нет, только не это. Почувствовать Николаю, найти добрые для него слова и все, этого будет достаточно», — так считала она, но полюбить его? Полюбить его она не сможет. «Это — не любовь, это что-то иное, — решила Софья. — Тогда что это? Что это за чувство, которое тревожит меня? Не дает мне покоя? Что это?» — стала задаваться она вопросами и не находила ответа.

После вечерней молитвы Софья влезла на печь. Днем печь была истоплена, но к вечеру начала остывать, и было не слишком жарко. Екатерина Михайловна и Марфа Антоновна не разошлись по своим постелям, а присели на длинную скамью и завели неспешный, тихий и задушевный разговор. На улице уже окончательно стемнело, и в комнате горела свеча. Софье не спалось, в голову приходили различные мысли, и о посещении на следующий день их бывшего имения, и об их возвращении в Елец, и о болезни Екатерины Михайловны, но чаще других ей приходили мысли и воспоминания о Николае. «Где он сейчас? Что делает? Как пережил известие о смерти брата? А может быть, его отправили воевать с теми военными, которые убили Акимку? А может быть, он тоже сейчас думает обо мне?» — стала мысленно задаваться Софья вопросами, глядя на мерцающий огонек свечи.

—... Дюже нехорошо с вами поступили мужики-то, дюже нехорошо. Не по совес-

ти. Ни вы, барыня, ни упокойный барин никогда зазря не забижали ни мужиков, ни баб. А они вона что сотворили — взяли и ваш дом сожгли,— донесся до слуха Софьи голос Марфы.

— Мне было очень страшно в тот раз, когда мужики в наше имение приехали с бадьями керосина,— тихо отвечала ей Екатерина Михайловна.— Думала, страшнее ничего уже не будет в жизни, а когда увидела, как солдаты застрелили убегающего мальчика, испугалась еще больше. Поверишь, Марфа, так сильно испугалась, что чуть было в обморок не впала, насилу выдержала это испытание. Как же можно было убить ни в чем не повинного мальчика? — Екатерина Михайловна заплакала.— Ведь они же все взрослые люди, неужели не видели, что он еще почти ребенок? А Сонечка не выдержала, впала в обморок и свалилась кулем. Я как увидела это, чуть жизни не лишилась, спасибо, лекарь рядом оказался, привел ее в чувство. Очень много у меня сил отобрал этот случай, очень много,— вытирая слезы, тихо говорила Екатерина Михайловна, надеясь, что Софья уже уснула и ее слов не слышит, но Софья еще не спала и все слышала.

— Все испытания нам дадены Богом. Значит так нужно Господу. Помните, барыня...— начала говорить Марфа, но Екатерина Михайловна перебила ее.

— Марфа, не называй меня барыней, прошу тебя. Я теперь уже никакая не барыня. Называй меня по имени, мы с тобою, поди, погодки,— попросила она.

— Хорошо, буду звать тебя по отчеству. Так вот, Катерина Михайловна, когда сын мой Ванька с германской войны вернулся весь газом протравленный, ходил и задыхался, да ты помнишь, наверно, вы-то еще здесь в имении жили...

— Помню, конечно,— подтвердила Екатерина Михайловна.

— Я тогда думала, что не переживу ентого. Как увижу, бывало, как он задыхаться начинает, руками схватится за горло, глаза закатыт, так и у меня самой горло перехватывает, и мне тоже дышать нечем, будто и я вместе с ним тем газом затравилась. А потом, енто уже, когда вас тут не было, он и помер от ентого газу. Так я думала, что не воскресну боле. Но ничего, отпустило. Видать, так Богу угодно,— вздохнула Марфа Антоновна.— А твой-то сыночек как? Жив ли?

— Ой, Марфа! Ой, и не спрашивай! Не знаю о нем ничего! Как ушел на германскую войну, так один раз только дома и появился, в аккурат после того, как новая власть настала. Прибежал ночью грязный, исхудавший весь, обовшивленный, в чужой одежде... да ты, Марфа, и сама, небось, помнишь об этом.

— Помню, как же не помнить-то! Серафим Аркадич упокойный ночью Гордея мово разбудил, говорит: кипяти, Гордей, воду, сыночка своово, говорит, мыть буду. Но я-то сама его и не видала, это мне Гордей мой опосля о нем сказывал. А что же было-то опосля?

— Что было? Ушел он от нас. Той же ночью ушел. Взял хлеба и ушел затемно. Боюсь, говорит, что утром увидят меня и как офицера арестуют. Собирался на Дон пробираться. Говорил, там, на Дону, сейчас все наши силы собираются для сопротивления новой власти. И с тех пор ничего я о нем не знаю. Жив ли, нет ли? Ничего не знаю. Если живой, если возвратится обратно, а и дома-то уже нашего нету, сожгли дом, и отца уже тоже нету,— Екатерина Михайловна тихо заплакала.

Софья тоже помнила ту ночь, когда с войны вернулся Владимир. Она проснулась от шума и, увидев брата, кинулась к нему, начала целовать. А он потом строго-настрого запретил ей говорить, кому бы то ни было, что он домой приходил. И ушел той же ночью.

— Страшное время наступило, страшное! Идет война, брат на брата пошел, сын на отца, и никуда от этой войны не схоронишься,— вздохнула Екатерина Михайловна, вытирая слезы.

— Видать, к концу света идем. В Писании сказано, как брат на брата войной пойдет, так свету конец будет,— произнесла Марфа Антоновна.— Бога молить надоть! Он один наш заступник и милосерд! А боле надеяться не на кого, кроме как на Бога...

Вдруг Софья отчетливо увидела, как со стороны маленькой комнаты, из темноты, вышел Акимка. Он подошел к Екатерине Михайловне и Марфе Антоновне.

— Зря вы так, тетенька, говорите, что брат на брата войной пошел. Я-то вот не пошел войной на своего брата Кольку,— проговорил он, обращаясь к Марфе Антоновне. Затем повернулся к Екатерине Михайловне.— И вы, барыня, зазря по мне плакали. Я же теперь в небесном отряде живу, и мне там джуже хорошо.

Вдруг Акимка куда-то исчез, а вместо него оказался Серафим Аркадьевич. Он подошел к печи, внимательно глядяваясь в лицо дочери.

— Ты, дочка, спрашиваешь, что это за чувство такое, которое тревожит тебя? Которое не дает тебе покоя? Это — любовь! Это она пришла к тебе, дочка! — сказал Серафим Аркадьевич и улыбнулся.— Ты береги ее, дочка, эту свою любовь! — сказал он. Затем развернулся и направился к Екатерине Михайловне и Марфе Антоновне.

— Папа! Папа! Ты, оказывается, живой?! Я так рада, что ты вернулся к нам! Поймай же, не уходи! — Софья хотела слезть с печи и подбежать к отцу, чтобы обнять его и остаться с ним, но вставшая со скамьи Марфа Антоновна подошла к печи и преградила ей дорогу.

— Ты не мешай им. Пусть они поговорят друг с другом, ведь они так долго не виделись! — сказала она.

Софья послушалась Марфу Антоновну и осталась лежать на печи, изредка лишь наблюдая за счастливыми, улыбающимися родителями.

— Мама, ты так давно не улыбалась! Я очень рада за вас с папой! Рада, что вы опять вместе! — воскликнула она.

— Да, Сонечка, мне сегодня как никогда радостно! Ты знаешь, Сонечка... Сонечка... Сонечка...

Софья проснулась от того, что Екатерина Михайловна трясла ее за руку. Софья очнулась, приоткрыла глаза.

— Сонечка... просыпайся, уже утро.

— Я так хорошо спала, и мне приснился удивительный сон, как будто...

— Сонечка, потом расскажешь о своем сне. Вставай, нам пора собираться в дорогу. Гордей Никифорович уже запряг лошадь.

Перекусив наскоро вареной картошкой и квасом, выехали со двора.